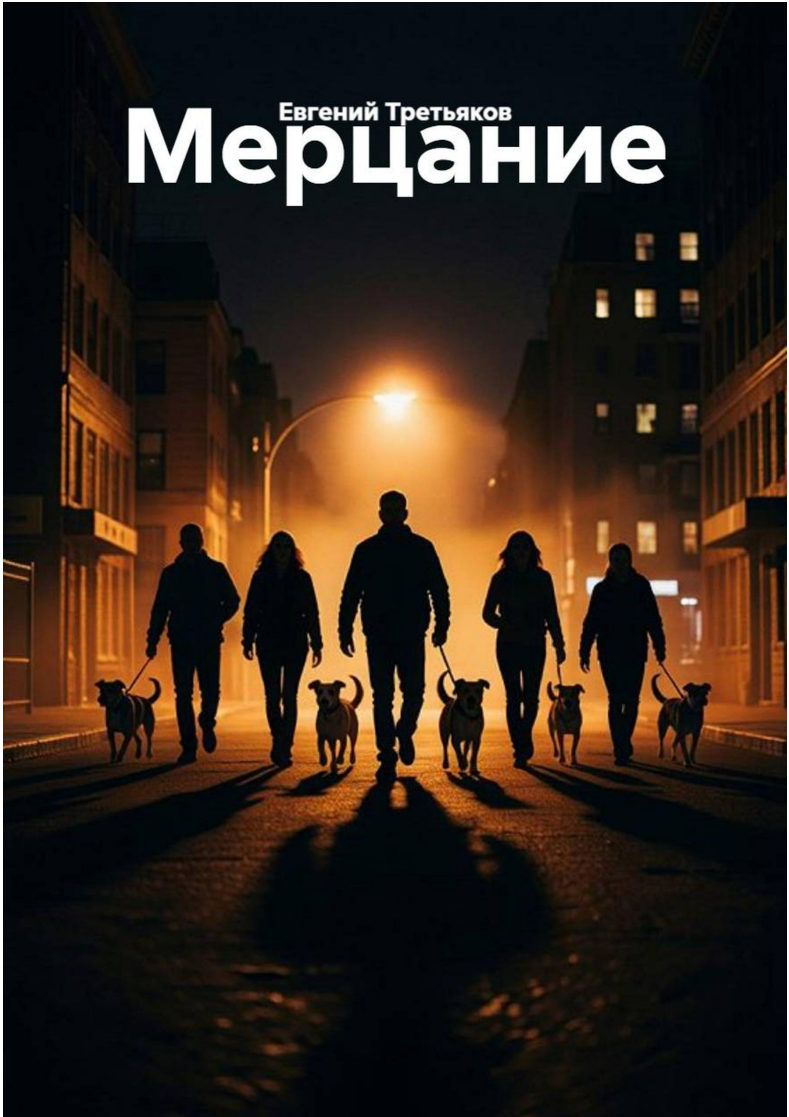
Евгений Третьяков

Мерцание



Евгений Третьяков
Мерцание

https://litres.ru/74778713
SelfPub; 2026

Аннотация

Пять книг. Пять героев. Пять собак. Они не знают друг друга. Они живут в разных городах, спасаются от разного. Каждый — сам по себе. Каждый — с тем, что было под рёбрами. Тихо. Как вода. Как дыхание. И у каждого — своя собака, которая шла рядом. Ждала. Не уходила.

Но однажды в городе, которого нет на карте, загорается лампа без абажура. И — мерцает. Не ровно. Как дыхание. Как рука на плече, которую не помнишь, но чувствуешь.

Книга 6 — финал цикла «Мерцание». Здесь герои встречаются впервые. Не «по зову». Не «по плану». По тому, что было под рёбрами. Тихо. Как вода. Как дыхание. Здесь вода становится твёрдой, водопад — дверью, а собака — одна. На всех.

Здесь нет злодея. Нет битвы. Есть только свет, который не ослепляет, и тишина, в которой слышно ответ. На вопрос «кто вы». Без слов.

Цикл закончился. Но жизнь героев продолжается. Потому что завтра будет день. И кто-то придёт. И они будут рядом. Не «вместе». Рядом. Как рука на плече. Которую не помнишь. Но чувствуешь.

Пора.

Содержание

Мерцание 6
Пролог. Тот, кто стоял на перекрёстке 6
Глава 1. Лиза 11
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Евгений Третьяков
Мерцание

Мерцание

Пролог. Тот, кто стоял на перекрёстке

Ветер нёс запах мокрого асфальта и чего-то ещё — сладковатого, гнилого, как опавшие листья вперемешку с бензином. Перекрёсток был пуст. Не «тихий» — именно пустой. Так бывает в городе перед рассветом, когда даже дворники ещё спят, а светофоры переключаются сами для себя, будто играют в игру, правил которой никто не помнит.

Красный. Жёлтый. Зелёный. Красный.

Мужчина в тёмном пальто стоял на бордюре, чуть покачиваясь на носках ботинок. Он был немолод — лет пятидесяти, может, больше, — и лицо у него было усталое, как у человека, который слишком долго не спал. В правой руке он держал сложенный зонт. Не раскрывал. Просто держал, как держат трость, к которой привыкли.

Перед ним, прямо на асфальте, стояла лампа. Без абажура. Голая лампочка на железной ножке, из которой торчал обрезанный провод. Такие обычно выбрасывают на помойку или оставляют у подъезда — «может, кому надо». Но эту никто не забрал. Она стояла посреди перехода, и её свет дрожал на

мокром асфальте, разбиваясь в лужах на мелкие, неровные пятна.

Она горела неровно.

Мужчина смотрел на неё. Долго. Потом полез во внутренний карман пальто. Пальцы нащупали что-то мелкое, холодное. Он достал камешек — гладкий, серый, обточенный водой до такой степени, что уже не понять, где был острый край. Подержал на ладони. Камешек был холодный, но не ледяной. Как вода в реке в конце сентября.

Он присел на корточки — тяжело, по-стариковски, с хрустом в коленях — и положил камешек у основания лампы. Не бросил. Именно положил, как кладут монету на памятник.

Лампа мигнула. Один раз. Коротко.

Мужчина выпрямился. Ветер ударил в лицо, швырнул в глаза пыль. Он зажмурился, вытер лицо ладонью — и полез в карман снова.

Второй предмет — осколок стекла. Тонкий, мутный, с неровным краем. Когда-то он был частью бутылки или витрины, а теперь был просто осколком, который кто-то подобрал на берегу и зачем-то сохранил. Мужчина повертел его в пальцах — свет лампы отразился в нём, дрогнул, — и положил рядом с камешком.

Лампа мигнула снова. Чуть дольше.

На перекрёстке по-прежнему никого не было. Только светофор щёлкал, переключаясь, да где-то далеко, за домами,

проехала машина — шум мотора нарастал, потом стих.

Мужчина достал третий предмет. Клочок бумаги. Маленький, сложенный вчетверо, размокший когда-то и высохший — с неровными краями и серым следом от воды. Он не разворачивал его. Только сжал в кулаке на секунду, будто прощаясь, и положил на асфальт.

Лампа мигнула. И не погасла. Загорелась ровнее.

Четвёртый предмет — пуговица. Маленькая, пластмассовая, с двумя дырочками. Когда-то она держала пальто. Или куртку. Или что-то, что намокло и высохло. Мужчина положил её рядом с бумагой и на секунду задержал руку, будто ждал, что пуговица что-то скажет. Она не сказала.

Лампа мигнула. И — замерцала. Ровно. Как дыхание.

Пятый предмет — сухая травинка. Тонкая, ломкая, с берега. Мужчина достал её последней, аккуратно, будто она могла рассыпаться в пальцах. Он держал её на ладони, и ветер пытался её сдуть, но она не сдувалась — лежала, прилипнув к коже, как прилипает к мокрой ладони песок.

Он положил её последней.

И тогда лампа загорелась ровно.

Не ярко. Не слепяще. Просто — ровно. Как будто кто-то наверху выдохнул и больше не задерживал дыхание. Свет лёг на асфальт, на лужи, на ботинки мужчины, на его лицо — и лицо стало другим. Не усталым. Собранным. Как у человека, который долго ждал и наконец дождался.

Он выпрямился. Поправил пальто. И обернулся.

За его спиной, в шаге от бордюра, сидела собака.

Серая. С умными глазами. Шерсть на загривке топорщилась, как будто собака только что вылезла из воды и не успела обсохнуть. Она не лаяла. Не подходила. Просто сидела и смотрела — не на мужчину, а куда-то в переулок, туда, где темнота была плотнее, чем везде.

Мужчина тоже посмотрел в переулок. Никого.

— Рано, — сказал он. Голос прозвучал хрипло, как будто он давно не говорил вслух. — Ещё рано.

Собака не ответила. Собаки не отвечают. Они ждут.

Мужчина постоял ещё секунду. Потом достал из кармана телефон — старый, кнопочный, — посмотрел на экран. Там не было ни сообщений, ни пропущенных. Только время: 04:47. Он убрал телефон. И посмотрел на лампу.

Свет был ровный. Спокойный.

— Пора, — сказал он. Уже не в воздух. Уже себе. — Пора.

Он повернулся и пошёл. Не быстро, не медленно — так, как идут люди, которые знают, куда идут, но не спешат. Собака встала. Отряхнулась — тихо, по-собачьему, — и пошла за ним. Не рядом. В шаге позади. Но не отставая.

Они дошли до угла. Мужчина остановился. Обернулся — в последний раз — и посмотрел на лампу. Она горела ровно. Пять предметов лежали у её основания — маленькие, незаметные, — и в их расположении было что-то, чего не было секунду назад. Порядок. Или смысл. Или просто — готовность.

Мужчина кивнул. Не лампе. Себе. И свернул за угол.

Собака — за ним.

И когда их шаги стихли, на перекрёстке стало совсем тихо. Светофор щёлкнул — красный, жёлтый, зелёный, — и снова красный. Ветер стих. Лужи стояли ровно, без ряби.

А потом — в окне одного из домов, на втором этаже, — загорелась ещё одна лампа. Без абажура. Ровным, спокойным светом. Будто кто-то наверху выдохнул.

За ней — в окне напротив. Потом — в соседнем доме. Потом — ещё и ещё.

Пять ламп. Пять окон. Пять дорог.

И где-то в городе — в разных его концах — пять собак подняли головы. Одновременно. Посмотрели в сторону перекрёстка. И встали.

Пора.

Глава 1. Лиза

Смена началась в семь. Лиза пришла в шесть сорок. Пока приёмный покой пах хлоркой и утренним холодом, можно было выдохнуть. Она переоделась в ординаторской. Халат — белый, чуть великоватый, с пятном от йода на рукаве. Привыкла. Как привыкла к бейджу в кармане. На подоконнике стояла кружка с чаем. Она села на кушетку — не на стул, на кушетку, потому что так теплее — и сделала глоток. Чай обжигал. Она не отпускала кружку. И тогда лампа над столом мигнула. Без абажура. Голая лампочка на железной ножке. Она горела ровно, потом мигнула, потом снова ровно. Лиза поставила кружку. Стекло звякнуло о стол. В тишине показалось, что громко. — Ты чего? — сказала она вслух. Голос прозвучал глупо. Лампа мигнула и погасла. В полосе света от окна, на долю секунды, Лиза увидела воду. Тёмную, тихую. И в ней — руку. Открытую ладонь. Как тогда. Свет вернулся. Лиза стояла и смотрела на лампу. Долго. Потом выдохнула — медленно, как выпускала из себя что-то, что держала очень давно. Плечи опустились. И тогда в дверь постучали. Ровно. Как стучат, когда знают, что ты здесь. — Да, — сказала Лиза. Вошла старшая медсестра Галина Петровна. — Лизонька, там мальчика привезли. Из реки. Живой. Пойдёшь? Лиза посмотрела на лампу. Та горела ровно. — Пойду. Мальчику было двенадцать. Худой, мокрый, губы

синие. Он сидел, укутанный в чужое одеяло, и кашлял — глубоко, надрывно. Лиза села рядом, взяла его руку. Пальцы были холодные. — Как тебя зовут? — спросила она. Он не ответил. Только кашлял. — Ладно, — сказала она. — Потом. Она держала его руку, пока он не согрелся, пока не заснул — тяжело, глубоко, как засыпают дети после стресса. И когда он заснул, Лиза вспомнила. Не умом — телом. Себя. Двенадцатилетнюю. На речке. Как вода забирала её. Медленно. Ласково. Как будто прощала. Она вышла из палаты. Прошла в ординаторскую. Посмотрела на лампу. Лампа горела ровно. Лиза сняла халат, взяла куртку и вышла. У ворот больницы сидела собака. Серая. Шерсть топорщилась, будто собака только что вылезла из воды. Она не лаяла. Смотрела на дорогу к автовокзалу. — Привет, — сказала Лиза. Собака встала, отряхнулась и пошла. Лиза пошла за ней. На автовокзале Лиза взяла билет. — До каких гор? — спросила кассирша. — До любых. Кассирша долго смотрела на неё, но выбила билет. До Северного. Лиза обернулась. Собаки не было. Она пошла к третьему автобусу одна. В автобусе она смотрела, как меняется свет. В кармане лежал камешек — гладкий, серый. Тот самый. Она держала его, как держала бы руку ребёнка, и чувствовала, как он нагревается. На смотровой площадке у реки было пусто. Лиза села на лавочку. И тогда услышала шорох. Мальчик. Лет пяти. Худой. Стоял на парапете, смотрел вниз. Лиза встала. Медленно. Как ходят по тонкому льду. — Эй, — сказала она. — Привет. Мальчик

не обернулся. — Красиво, да? — сказала Лиза. — Я тоже люблю смотреть. А ты знаешь, что вода — она не злая? Она просто есть. Она держит. Если не бояться. Я знаю. Я тонула. Давно. И вода меня держала, пока я не перестала бояться. Мальчик обернулся. Глаза были не испуганные — усталые. — Пойдём, — сказала Лиза. — Там кафе. Я угощаю. Она протянула открытую ладонь. Мальчик смотрел на неё долго, потом взял. Шагнул с парапета. Лиза держала его, чувствуя, как нагреваются его пальцы. Она отвела его в кафе. Он заснул, уронив голову на стол. В окне Лиза увидела женщину — молодую, с телефоном. Лицо паническое. Лиза открыла дверь. — Он здесь. Спит. Женщина выдохнула, медленно, как выпускала что-то, что держала годами. Заплакала. Тихо. Вытерла слёзы. — Спасибо. Лиза кивнула и пошла к автобусу. Не оборачиваясь. У подножия гор она пошла по тропинке одна. Через лес, через камни. Она промочила ноги, но шла. На поляне её ждал водопад. Она села на камень. В руке был камешек. Вода начала показывать: речку, детство, взрослую Лизу в халате, которая улыбается маленькой Лизе. "Я здесь. Я рядом". Вода отпустила. Лиза подняла голову. Собака сидела рядом. — Ты здесь, — сказала Лиза. Собака склонила голову. Ты здесь. Ты ждала. Лиза посмотрела вперёд. Рядом стоял парень в тёмном пальто. Он смотрел на воду. Лиза не удивилась. Как будто ждала. Она пошевелила камешек в ладони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.